

Райский сад

Автор:

Эрнест Миллер Хемингуэй

Райский сад

Эрнест Миллер Хемингуэй

Эксклюзивная классика (АСТ)

Как умирает любовь – день за днем, взгляд за взглядом, слово за словом? Как умирает любовь, несмотря на все усилия двоих ее сохранить?

Молодой писатель Дэвид и его жена Кэтрин никогда не верили, что их любовь смертна, – но орудием пытки и яблоком раздора для них стала другая женщина.

Именно из-за нее между супругами развернулась борьба – поначалу в шутку, а потом и всерьез...

В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

Эрнест Хемингуэй

Райский сад

Ernest Hemingway

THE GARDEN OF EDEN

Печатается с разрешения Hemingway Foreign Rights Trust и литературного агентства Fort Ross, Inc.

© Hemingway Foreign Rights Trust, 1950

© Перевод. Г. Веснина, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

***

Эрнест Хемингуэй (1899–1961) – знаменитый американский писатель, журналист, лауреат Нобелевской премии по литературе. Хемингуэй описывал человека на войне в "Прощай, оружие!" и "По ком звонит колокол", рефлексию "потерянного поколения" в "Фиесте", одиночество человека и его взаимоотношения с природой в "Старик и море", парижский литературный мир в "Празднике, который всегда с тобой". Кажется, никто лучше Хемингуэя не рассказал об испанской корриде, о тонкостях рыбалки, об африканском сафари. Эрнестом Хемингуэем зачитывалось не одно поколение читателей, его книги знали чуть ли не наизусть, он и сейчас остается одним из самых популярных писателей в мире.

От издателя

Этот роман, так же как и другое свое произведение – «Острова в океане», писатель не успел закончить при жизни. При подготовке романа к печати мы прибегли лишь к незначительным сокращениям текста и к обычной редакторской правке. Отдельные, ничтожно малые интерполяции, сделанные нами для большей ясности и связности текста, никак не повлияли на творческий замысел автора, и все произведение в целом остается полностью авторским.

Глава первая

В те дни они жили в Ле-Гро-дю-Руа[1 - Рыбацкая деревня на юге Франции, почти вплотную примыкающая к городку Эг-Морт. – Примеч. пер.]; их отель находился

на берегу канала, который бежал к морю из окруженного крепостной стеной городка Эг-Морт[2 - Эг-Морт - «мертвые воды» - древний город крестоносцев (XIII в.), полностью окруженный четырехугольной крепостной стеной со сторожевым проходом наверху, двадцатью зубчатыми башнями и десятью воротами.]. Из долины Камарг[3 - Болотистая местность в дельте Роны, природный заповедник, 850 кв. м засоленных лагун, болот и озер между двумя рукавами Роны.] открывался изумительный вид на башни Эг-Морта, и одно время они почти каждый день спускались туда на велосипедах по белой дороге, тянувшейся вдоль канала. Утром и вечером, когда начинался прилив и в канал заходил окунь, они любили наблюдать за его охотой: кефаль, удирая, отчаянно прыгала; и вода там, где окунь бросался в атаку, вскипала и расходилась кругами.

Молодые люди удили рыбу с пирса, устремленного в нежно-голубое море, купались на пляже и каждый день помогали рыбакам тащить сети с рыбой на длинный покатый пляж. В кафе на углу, сидя лицом к морю и потягивая аперитив, они смотрели, как мелькают в Лионском заливе паруса рыбацких лодок, промышлявших макрель. Стояла поздняя весна - время лова макрели, когда все рыбаки порта выходят на промысел. Это был жизнерадостный, приветливый городок; и молодой паре очень нравилась их гостиница, в которой имелись ресторан с двумя бильярдными столами и с видом на канал и маяк и четыре комнаты наверху. Их комната напоминала спальню Ван Гога в Арле, только у них кровать была двуспальной и к тому же в ней было два больших окна, из которых открывался вид на канал, заливные луга, белокаменный город и сверкающие пляжи Палаваса.

Они были вечно голодны, хотя питались очень хорошо. На завтрак в кафе они каждый раз приходили голодными и заказывали бриоши[4 - Сдобная булочка, состоящая из нескольких частей округлой формы, соединенных вместе.], кофе с молоком и яйца. Выбор варенья и способа приготовления яиц был одним из самых волнующих моментов. Они так сильно хотели есть, что в ожидании завтрака у девушки часто начинала болеть голова. Но после кофе боль отпускала. Девушка пила кофе без сахара, и молодой человек постарался это запомнить.

В то утро они ели бриоши с малиновым вареньем и яйца всмятку с кружочками масла, которое медленно таяло, пока они подсаживали их и посыпали черным перцем. Яйца были крупные и свежие; девушка попросила, чтобы для нее яйца варили чуть меньше, чем для молодого человека. Он и это взял себе на заметку.

Сегодня все доставляло ему радость: и утренняя свежесть, и яйца с тающими кружочками масла, и вкус зерен грубо помолотого перца и горячего черного кофе, и аромат цикория, поднимавшийся от чашки кофе с молоком.

Рыбацкие лодки ушли далеко в море. Они покинули порт еще в темноте, с первым дуновением рассветного бриза. Молодой человек и девушка проснулись, разбуженные шумом их сборов, но тут же снова свернулись под простыней и заснули. Потом, когда солнце уже взошло, но в комнате еще царил полумрак, они, полусонные, занимались любовью и снова лежали, усталые и счастливые, а потом снова занимались любовью. Потом их охватил такой страшный голод, что им казалось, они не доживут до завтрака, и вот сейчас они сидели в кафе, ели и любовались морем и парусными судами. Наступил еще один день.

- О чем ты думаешь? - спросила девушка.

- Ни о чем.

- Но должен же ты о чем-то думать.

- Я просто наслаждаюсь.

- Чем?

- Счастьем.

- А я так проголодалась, - сказала она. - Как ты думаешь: это нормально? Ты тоже чувствуешь голод после того, как занимаешься любовью?

- Так бывает, когда по-настоящему любишь.

- О-о, ты слишком много знаешь о любви, - сказала она.

- Это не так.

- Ладно, не важно. Я даже рада этому, так что нам не о чем беспокоиться, верно?

- Не о чем.

- Какие у нас планы на сегодняшний день?

- Не знаю. А ты что думаешь?

- Мне все равно. Если ты пойдешь на рыбалку, я могла бы написать письмо или даже пару писем, а потом, перед ленчем, мы еще успели бы искупаться.

- Чтобы нагулять аппетит?

- Не говори о еде. Я уже снова хочу есть, а ведь мы еще не закончили завтракать.

- Это не мешает нам подумать о ленче.

- А что после ленча?

- Как послушные дети, отправимся спать.

- Очень свежая мысль. И почему она раньше не приходила нам в голову?

- Временами меня осеняет, - сказал он. - У меня очень изобретательная натура.

- А у меня - гибельная, - сказала она. - Я хочу тебя погубить. И пусть на стене гостиницы прибьют табличку. Я хочу проснуться однажды ночью и сделать с тобой что-нибудь неслыханное - такое, чего ты даже представить себе не можешь. Я собиралась сделать это вчера, но так хотелось поспать...

- Ты слишком любишь спать, чтобы быть по-настоящему опасной.

- Не обольщайся. Если тебе кажется, будто ты в безопасности, ты сильно заблуждаешься. О-о, милый, скорей бы уже ленч.

От солнца и морской воды их волосы выцвели прядями; они сильно загорели и были одеты в одинаковые рыбацкие блузы и шорты, купленные в магазине

морского снаряжения. Обычно их принимали за брата и сестру, после чего они объявляли, что в действительности являются мужем и женой. Некоторые не могли в это поверить, и девушке это было очень приятно.

В те годы редко кто приезжал на Средиземное море в летнее время[5 - Действие романа происходит в начале 20-х годов XX века.], а в Ле-Гро-дю-Руа и подавно, разве что кто-нибудь из Нима. Здесь не было ни казино, ни других развлечений; постояльцы появлялись в гостинице лишь в самые жаркие месяцы – в купальный сезон; а в остальное время года гостиница пустовала.

В те годы рыбацкие блузы еще не успели войти в моду, и молодой человек удивился не меньше других, когда девушка, на которой он был женат, решила надеть рыбацкую блузу и появиться в таком виде на людях. Она купила их две – для себя и для него – и сразу же, в раковине ванной комнаты, постирала, чтобы ткань не топорщилась. Теперь, после стирки, эта грубая одежда, предназначенная для тяжелой мужской работы, стала значительно мягче и красиво обрисовывала грудь девушки.

Женщины в тех краях не носили шорты, поэтому девушка не решалась надевать их, когда они отправлялись на прогулку в Эг-Морт. Зато в деревушке, в которой находилась их гостиница, все относились к молодой паре с большой симпатией и не обращали ни малейшего внимания на странный наряд девушки; разве что местный священник выражал ей свое неодобрение. Однако на воскресную мессу девушка всегда надевала юбку и кашемировый свитер с длинными рукавами, а голову повязывала шарфом. Молодой человек тоже приходил в церковь и стоял вместе с мужчинами в задних рядах. Они пожертвовали на нужды церкви двадцать франков, что по тем временам составляло больше доллара.

Священник, собиравший пожертвования лично, оценил их отношение к церкви должным образом и перестал воспринимать шорты как угрозу нравственности – теперь он считал этот предмет туалета одним из проявлений эксцентричности иностранцев. Священник не заговаривал с молодой парой, когда девушка надевала шорты, однако и не осуждал ее публично, и если вечером ему случалось встретить девушку в длинных брюках, он даже отвечал на ее поклон.

– Я поднимусь наверх и напишу письма, – сказала девушка. Она встала, улыбнулась официанту и вышла из кафе.

– Месье собирается на рыбалку? – поинтересовался официант, когда Дэвид Борн – так звали молодого человека – подозвал его, чтобы расплатиться.

– Подумываю. Как сегодня течение?

– Для рыбалки – в самый раз, – ответил официант. – Если хотите, я дам наживку.

– Я куплю на набережной.

– Нет, возьмите мою. Это настоящий пескожил, у меня его полно.

– А сам ты сможешь пойти со мной?

– Я сейчас на дежурстве. Но позже, глядишь, и выйду – посмотрю, как у вас дела. Снасти у вас с собой?

– Нет, в гостинице.

– Обязательно зайдите ко мне за червями.

Молодой человек хотел подняться в номер к девушке, но, войдя в холл гостиницы и обнаружив возле стойки с ключами свою бамбуковую удочку и корзину с рыболовными снастями, снова вышел на яркий свет улицы, спустился к кафе и дальше на пирс, залитый слепящим солнечным светом. Солнце было жарким, но бриз освежал; отлив только начался. Дэвид пожалел, что не захватил спиннинг и блесны: тогда он смог бы делать заброс поперек течения, за валуны у противоположного берега канала. А так пришлось довольствоваться обычной удочкой с поплавком из пробки и гусяного пера. Он отрегулировал глубину с таким расчетом, чтобы червь находился там, где, по его мнению, должна была кормиться рыба.

Какое-то время Дэвид Борн ловил без малейшего успеха. В далекой синеве моря мелькали лодки рыбаков, охотившихся за макрелью, высокие облака бросали на воду тень. Вдруг поплавок резко ушел под воду, леска натянулась, молодой человек подсек и, приподняв кончик удилица вверх, попытался преодолеть сопротивление рыбы, которая так упиралась, что леска со звоном рассекала воду. Опасаясь обрыва лески, он пошел вдоль пирса, следуя за рыбой, рвавшейся в открытое море. Несмотря на все усилия молодого человека, рыба натянула леску так, что ему пришлось на четверть опустить удилица в воду.

Пришел официант из кафе, поединок с рыбой привел его в сильное возбуждение. Он шел рядом с Дэвидом и приговаривал:

- Держите ее. Держите. Ни в коем случае не тяните. Надо ее утомить. Только бы не сорвалась. Отпустите еще. Отпустите. Отпустите.

Дальше отпускать было некуда; оставалось только войти в воду, но для этого здесь было слишком глубоко. «Эх, если бы мы были на берегу», - с сожалением подумал молодой человек. Но они были на пирсе и дошли уже до самого края. Удочка скрылась под водой наполовину.

- Только не дергайте, - умолял официант. - Это - главное.

Рыба уходила то вглубь, то вдаль, то металась зигзагом; удилище выгибалось в разные стороны, следуя за ее быстрыми мощными рывками. Вдруг рыба поднялась вверх и какое-то время билась плашмя по воде, но затем снова ушла на глубину, и все же молодой человек почувствовал, что, хотя сил у нее по-прежнему много, воля к сопротивлению несколько ослабела. Теперь он мог подтащить ее к пирсу и завести в канал.

- Осторожнее, - сказал официант. - Ох, теперь осторожнее. Ради всех нас.

Еще дважды рыба пыталась снова уйти в открытое море, и дважды молодой человек возвращал ее обратно и наконец повел вдоль пирса назад к кафе.

- Ну, как она? - спросил официант.

- Отлично, но победа будет за нами.

- Не говорите так, - сказал официант. - Не говорите. Мы должны утомить ее. Утомить. Утомить.

- Это она меня утомила. Рука отнимается, - сказал молодой человек.

- Хотите я подержу? - с готовностью предложил официант.

- О нет.

– Так... легонько, легонько, легонько. Осторожнее, осторожнее, осторожнее, – приговаривал официант.

Молодой человек протащил рыбу мимо террасы кафе и завел в канал. Она была уже у самой поверхности воды, однако сил у нее оставалось достаточно, и молодой человек опасался, что ему придется идти за ней вдоль канала через весь город. К ним присоединилось уже много народу; когда они проходили мимо гостиницы, девушка увидела их в окно и закричала:

– О-о, какая чудесная рыба! Подождите меня! Подождите меня!

Сверху ей было отлично видно, какая это большая рыба и как она блестит в воде, и как ее муж, согнувшись чуть ли не пополам, пытается удержать ее, и сколько народу собралось вокруг них. Когда она выбежала на берег канала, путь ей преградила толпа; ее муж медленно подтягивал рыбу к берегу – туда, где темнели водоросли. Рыба была уже совсем близко, когда официант свесился вниз, подхватил ее пальцами за жабры и вытянул вверх. Рыба была большая, и официант обеими руками прижал ее к груди; она была такой большой, что голова ее доставала ему до подбородка, а мощный хвост хлестал по бедрам.

Мужчины начали обнимать молодого человека, похлопывая его по спине, а женщина, торговавшая на рыбном рынке, даже расцеловала. Наконец девушка тоже смогла его обнять, поцеловать, и он сказал:

– Ну, ты видела?!

Рыбу положили на набережную, и все принялись ее рассматривать. Ее серебряная, как у лосося, чешуя на спине была темнее и отливала вороненой сталью. Это была очень красивая рыба с огромными живыми глазами; она тяжело, прерывисто дышала.

– И как она называется?

– Loup[б - Морской волк (фр.)], – сказал Дэвид. – Но в действительности это окунь. А местные называют его каменным окунем. Замечательная рыба. Первый раз вижу такого крупного окуня.

Официант, которого звали Андрэ, подошел к Дэвиду, обнял его, поцеловал, потом поцеловал и девушку и объяснил:

– Так полагается, мадам. Это совершенно необходимо. Еще никому не удавалось поймать такую крупную рыбу на простую удочку.

– Надо бы его взвесить, – сказал Дэвид.

Они перешли в кафе. После взвешивания молодой человек освободил рыбу от крючка, промыл ее и положил на лед, который доставляли на грузовике из Нима, чтобы сохранить улов макрели. Рыба весила чуть больше пятнадцати фунтов[7 - Пятнадцать фунтов – 6 килограммов 804 грамма.]. На льду рыба была такой же красивой и серебристой, но цвет на спине уже сменился на тускло-серый. Только глаза ее еще оставались живыми.

В порт вернулись рыбацкие лодки, и женщины выгружали в корзины сверкающую серебристыми боками голубовато-зеленую макрель, ставили корзины себе на голову и относили в хранилище. Улов был отличный, весь город был счастлив и при деле.

– Что мы сделаем с этой рыбой? – спросила девушка.

– Лучше всего ее продать, – сказал молодой человек. – Она слишком крупная, чтобы ее можно было приготовить в здешних условиях, а резать такую красавицу на куски – преступление. Возможно, она отправится прямо в Париж и закончит свой век в каком-нибудь большом ресторане. Или ее купит очень богатый человек.

– В воде она была такой красивой, – сказала девушка. – И потом, в руках у Андрэ. Сначала я не поверила своим глазам, когда увидела в окно тебя и всю эту толпу народа.

– Мы тоже закажем себе сегодня окуней, только поменьше. Они очень вкусные. Среднего окунька можно пожарить на гриле с маслом и травами. По вкусу он похож на нашего полосатого окуня.

– Меня необычайно взволновала эта история с рыбой, – сказала девушка. – Ну разве не чудесно, что у нас есть такие простые радости?

На ленч они пришли голодными и пили холодное белое вино, к которому полагались домашние маринованные грибы в большой стеклянной чаше и редиска с celeri remoulade[8 - Celeri remoulade – тертый сельдерей с соусом провансаль.]. Подали окуня, приготовленного на гриле. На его серебряной спинке отпечатались следы решетки; на подогретой тарелке таяло масло. Отдельно стояло блюдо с ломтиками лимона. Молодые люди выжимали из них сок и поливали им рыбу; свежий хлеб и вино остужали им язык после горячего жареного картофеля. Отличное легкое сухое бодрящее вино неизвестного скромного производителя было гордостью ресторана.

– Мы почти не говорим во время еды, – сказала девушка. – Я наскучила тебе, милый?

Молодой человек рассмеялся.

– Не смейся надо мной, Дэвид.

– Я и не думал. Нет. Мне не скучно с тобой. Даже если бы ты за всю жизнь не проронила ни слова, я все равно был бы счастлив просто смотреть на тебя.

Он подлил ей вина и снова наполнил свой бокал.

– У меня есть для тебя большой сюрприз. Я еще не говорила тебе? – сказала девушка.

– Нет. Что за сюрприз?

– О-о, он очень простой и одновременно сложный.

– Рассказывай.

– Нет. Возможно, он тебе понравится, но, может быть, ты окажешься не готов его воспринять.

- Твои слова меня настораживают.

- Это опасный сюрприз, - подтвердила девушка. - Но не задавай мне больше вопросов. Если ты не против, я поднимусь в нашу комнату.

Молодой человек заплатил за ленч и допил вино, оставшееся в бутылке. Потом тоже поднялся наверх. Одежда девушки лежала на одном из стульев Ван Гога, а сама она ожидала его в постели, укрывшись простыней. Волосы разметались по подушке, глаза смеялись. Он приподнял простыню, и она сказала:

- Привет, милый. Тебе понравился ленч?

Потом они лежали; он подложил руку ей под голову, оба чувствовали себя счастливыми, хотелось просто лежать и ничего не делать. Девушка потерлась щекой о его щеку. Ее шелковистая кожа слегка загорела от солнца и морской воды. Потом, тряхнув головой, так что вся масса волос упала ей на лицо и, когда она поворачивала голову, касалась его лица, девушка начала осторожно заигрывать с молодым человеком и, наслаждаясь игрой, спросила:

- Ты действительно любишь меня?

Он кивнул и поцеловал ее в макушку, потом повернул ее голову и, придерживая лицо руками, поцеловал в губы.

- Ох, - сказал он. - О-о.

Много позже они лежали, тесно обнявшись, и девушка сказала:

- Ты любишь меня так же, как я тебя? Ты уверен?

- Да, - сказал он. - Тысячу раз «да».

- Дело в том, что я собираюсь измениться.

- Нет, - сказал он. - Нет. Только не меняйся.

– Но я хочу, – сказала она. – Для тебя. И для меня тоже. Не буду притворяться, будто мне все равно. Но это и для тебя тоже. Я уверена в этом, но, наверное, зря сказала раньше времени.

– Я люблю сюрпризы, но мне нравится все, что у нас есть сейчас, в эту минуту.

– Тогда, возможно, мне не следует этого делать, – сказала она. – О, как жаль. Это был такой замечательный опасный сюрприз. Я обдумывала его дни напролет, но приняла решение только сегодня утром.

– Ну, если ты в самом деле этого хочешь...

– Да, я хочу. И все-таки сделаю это. Ведь до сих пор тебе нравилось все, что мы делали, правда?

– Да.

– Вот и хорошо.

Она выскользнула из постели и встала, выпрямившись. Ее длинные ноги и прекрасное тело покрывал ровный загар – они купались на дальних пляжах без купальных костюмов. Она отвела плечи назад, вскинула подбородок и тряхнула головой, так что ее тяжелые золотисто-каштановые волосы хлестнули ее по щеке и затем упали вперед, полностью скрыв лицо. Девушка натянула через голову рыбацкую блузу, откинула волосы назад и села на стул перед зеркалом у туалетного столика. Расчесала волосы щеткой, критически рассматривая свое отражение. Волосы спадали до плеч. Девушка отрицательно покачала головой, встала, натянула брюки, застегнула ремень, сунула ноги в выцветшие голубые босоножки на веревочной подошве.

– Мне нужно прокатиться в Эг-Морт, – сказала она.

– Хорошо. Я поеду с тобой.

– Нет. Я поеду одна. Это имеет отношение к сюрпризу.

Она поцеловала его на прощание и ушла. Он видел в окно, как она села на велосипед и легко и плавно покатила вверх по дороге. Ветер трепал ее волосы.

Солнце било прямо в окно, и в комнате стало слишком жарко. Молодой человек сполоснулся под душем, переоделся и вышел прогуляться на пляж. Он понимал, что сейчас хорошо было бы поплавать, но у него совсем не осталось сил; пройдя по пляжу, он свернул в сторону от моря и побрел по тропинке сквозь заросли высокой травы, потом снова вернулся на пляж, и дошел до порта, и затем поднялся наверх в кафе. Там он нашел газету и заказал себе хорошего коньяку: после занятий любовью он чувствовал себя вконец опустошенным.

Со дня их свадьбы прошло уже три недели. Захватив с собой велосипеды, чемодан с одеждой для города, рюкзак и вещмешок, они проследовали на поезде из Парижа до Авиньона, где оставили чемодан, пересели на велосипеды и отправились смотреть Пон-дю-Гар[9 - Трехъярусный древнеримский акведук середины I века н. э. После падения Римской империи использовался в качестве моста. Шедевр архитектуры.]. Однако здесь их планы нарушил мистраль – под напором резкого встречного ветра им пришлось свернуть к Ниму. Переночевав в «Императоре» – лучшей гостинице Нима, они поехали к морю в Эг-Морт, и сильный ветер по-прежнему дул им в спину. Осмотрев Эг-Морт, они заглянули в Ле-Гро-дю-Руа, да так здесь и остались.

Все это было чудесно, они были по-настоящему счастливы. Раньше он даже не представлял, что можно настолько сильно любить, что все остальное теряет значение и словно бы не существует. До женитьбы у него была масса проблем, но за минувшие три недели он ни разу не вспомнил о них; у него не было желания писать и думать о чем бы то ни было, кроме этой девушки, которую он любил и которая стала теперь его женой. С Кэтрин у него ни разу не было тягостного момента отрезвления, который всегда наступал после близости с женщиной. С нею этого не было. Они занимались любовью, ели, пили и снова любили друг друга. Это была очень простая жизнь, но в той, другой, прошлой жизни он никогда не был так полно, по-настоящему, счастлив. Насколько он мог судить, Кэтрин была так же счастлива, но сегодня вдруг возникла эта идея с переменой и с сюрпризом... Но возможно, это будет перемена к лучшему и приятный сюрприз. В конце концов, алкоголь и чтение местной газеты довели его до того, что он уже с нетерпением ждал появления Кэтрин – что бы она там ни придумала.

Сегодня впервые с того момента, как они отправились в свадебное путешествие, он пил один. Правда, сейчас он не писал, а его единственным правилом в отношении выпивки было не пить до и во время работы. Как хорошо было бы снова засесть за работу! Он отлично знал, что это время скоро придет, и тогда ему придется все время напоминать себе о том, что нельзя быть эгоистом, и, кроме того, придется как-то объяснить Кэтрин: он может работать только в полном уединении. Она должна понять, что он сожалеет об этой необходимости и что это вовсе не прихоть. Дэвид не сомневался, что Кэтрин отнесется к его словам с пониманием и найдет, чем себя занять, однако мысль о том, чтобы начать работу сейчас, когда им обоим было так хорошо, показалась ему ненавистной. Тем более что для работы нужна ясная голова. Интересно, понимает ли это Кэтрин? Может, и понимает. Ведь что-то она имела в виду, когда сказала, что ей необходимо измениться? Хорошо, если так. Но что это может быть? Что может связать их крепче, чем они уже связаны? Их близость ничто не омрачает – есть только счастье, любовь, голод, восстановление сил и снова любовь.

Он обнаружил, что уже допил свой коньяк, а день клонится к закату. Он взял еще коньяка и попытался сосредоточиться на газете. Но газета не вызвала у него обычного интереса, и он стал смотреть на вечернее солнце, тяжело опускавшееся в море, и наконец в кафе раздались ее шаги и гортанный голос:

– Привет, милый.

Она быстро прошла к столу, села напротив и вздернула подбородок, подставив его взгляду свое лицо с золотистой кожей, покрытой мелкими веснушками, и смеющиеся глаза. Ее волосы были острижены коротко, как у мальчишки. Бескомпромиссная стрижка. По-прежнему густые и тяжелые волосы были отчесаны назад, а по бокам сильно сострижены, так что стали видны ее плотно прилегающие к голове уши. Она повернула голову, прогнулась назад, так что грудь ее слегка приподнялась, и сказала:

– Пожалуйста, поцелуй меня.

Он поцеловал, вновь посмотрел ей в лицо и на ее новую прическу и опять поцеловал.

- Тебе нравится? Потрогай, какие они стали гладкие. Потрогай сзади, - сказала она.

Он потрогал.

- А теперь возле щеки и уха. Пропусти их сквозь пальцы с обеих сторон. Ну вот, это и есть мой сюрприз. Я девушка. Но теперь я также и мальчик и могу делать все, что захочу, все-все-все.

- Сядь рядом со мной, - попросил он. - Что будешь заказывать, братишка?

- Спасибо. Я возьму то же, что и ты. Ну, теперь ты понимаешь, почему я говорила, что сюрприз - опасный?

- Да, теперь вижу.

- Правда, я здорово придумала?

- Возможно.

- Нет, не «возможно». Я думала об этом. Я продумала все до мелочей. Почему мы должны жить по общим правилам? Мы - это мы.

- Мы прекрасно проводим время, и я не думаю ни о каких правилах.

- Пожалуйста, проведи по моей голове еще раз.

Он выполнил просьбу и поцеловал ее.

- О-о, ты такой милый, - сказала она. - Я вижу, тебе действительно нравится. Я это чувствую. Ты не обязан сразу полюбить мою новую стрижку. Для начала просто согласись с тем, что она тебе нравится.

- Нравится, - сказал он. - Она подчеркивает прекрасную форму твоей головы и твои прелестные скулы.

– А по бокам нравится? Это тебе не просто стрижка «под мальчика», сделанная в салоне красоты, а настоящая мальчишеская стрижка – без обмана.

– У кого ты стриглась?

– У парикмахера в Эг-Морте. У того, что постриг тебя неделю назад. Когда ты объяснял ему, как тебя нужно постричь, я запомнила и попросила постричь меня точно так же. Он настолько хорошо воспитан, что даже не выказал удивления. Ни малейшего. Только спросил: «В точности как вашего мужа?» Я сказала: «В точности как его». Тебе это говорит о чем-нибудь, Дэвид?

– Да.

– Конечно, найдутся глупые люди, которые назовут это странным. Но мы должны гордиться собой. Я люблю ходить с высоко поднятой головой.

– Я тоже, – сказал он. – Можем начинать гордиться прямо сейчас.

Они сидели в кафе, смотрели, как в воде отражается солнце, как на город спускаются сумерки, и пили коньяк. В кафе заходило много людей – всем хотелось незаметно рассмотреть девушку: во-первых, потому что она была иностранкой, а во-вторых, потому что она нравилась местным жителям и к тому же была необычайной красавицей. Конечно, в тот день все обсуждали рыбу, которую поймал Дэвид, однако новая стрижка девушки была не менее выдающимся событием для их деревушки. В тех краях ни одна приличная девушка не стала бы стричься так коротко, и даже в Париже очень немногие отваживались на подобные эксперименты, поскольку отношение к коротким стрижкам было неоднозначным: кто-то считал их красивыми, кто-то – донельзя безобразными. Для одних женщин короткая стрижка означала серьезные перемены в жизни, для других – всего лишь возможность продемонстрировать великолепную форму головы.

На ужин они ели бифштекс с кровью, картофельное пюре, зеленую фасоль и салат. Девушка попросила официанта принести тавельского[10 - Сухое розовое французское вино.].

– Это вино для влюбленных, – сказала она.

До сегодняшнего вечера Кэтрин всегда выглядела на свой двадцать один год, и молодой человек гордился этим. Но сегодня она казалась еще моложе. С мальчишеской стрижкой как-то по-новому обозначились скулы; девушка улыбалась ему, и, глядя ей в лицо, он вдруг подумал, что она разобьет ему сердце.

В комнате было темно, лишь слабый свет пробивался снаружи. В окно дул прохладный бриз, но они откинули простыню.

- Дэйв, ты не возражаешь, если мы согрешим?

- Нет, девочка.

- Не называй меня девочкой.

- Там, где я тебя держу, ты - девочка, - сказал он.

Он крепко сжимал ее груди руками, чувствуя под пальцами крепкие прохладные округлости.

- Это всего лишь мое приданое, - сказала она. - А вот мой сюрприз - это действительно что-то новенькое. Потрогай. Нет, оставь их. Они никуда не денутся. Потрогай мои щеки и сзади на шее. О, какое дивное ощущение чистоты, свежести и новизны. Пожалуйста, люби меня, Дэвид, так же, как я тебя люблю. Пожалуйста, пойми меня и люби.

Он закрыл глаза и почувствовал, как она легла на него своим длинным легким телом, прижавшись грудью к его груди, губами к губам. Он лежал, полностью предавшись ощущениям, потом ее рука потянула его руку вниз, и он помог ей своими руками и потом лежал в темноте, ни о чем не думая, а чувствуя только тяжесть ее тела и смятение в душе.

- Ну как: теперь ты можешь сказать, кто из нас кто? - спросила она.

- Нет.

- Ты начинаешь меняться. О да. Да-да, теперь ты – моя девочка Кэтрин. Ты согласен измениться, стать моей девочкой и позволить мне овладеть тобой?

- Ты – Кэтрин.

- Нет, я – Питер. А ты моя чудесная Кэтрин. Моя прекрасная дивная Кэтрин. Как мило, что ты изменился. О, благодарю тебя, Кэтрин, я так благодарен тебе. Пойми меня, пожалуйста. Пожалуйста, пойми и прими. И я буду вечно дарить тебе наслаждение.

Потом, после всего, в полном изнеможении и опустошении, они лежали рядом в темноте, но это был еще не конец. Их ноги касались друг друга, ее голова покоилась у него на руке. Возшла луна, и в комнате стало чуть светлее. Не глядя на молодого человека, девушка провела ищущей рукой по его животу вниз и сказала:

- Ты не считаешь меня развратной?

- Конечно, нет. Тебе всегда этого хотелось?

- Не всегда. Но часто. Как замечательно, что это случилось. Спасибо, что разрешил.

Молодой человек крепко обхватил девушку руками, почувствовав, как ее прелестные груди прижались к его груди, и поцеловал ее обожаемый рот. Он прижимал ее к сердцу и в душе говорил: «Прощай, прощай и снова – прощай».

- Давай обнимем друг друга и полежим тихо-тихо, ни о чем не думая, – сказал он, а его сердце снова сказало: «Прощай, Кэтрин, прощай, моя прекрасная девочка, удачи тебе и прощай».

Глава вторая

Он встал, оглядел пляж, заткнул пробкой бутылочку с маслом и убрал ее в боковой карман рюкзака. Затем подошел к кромке воды, чувствуя, как холодеет

песок под ногами. Он оглянулся на девушку: его взгляд выхватил ее, лежавшую на склоне с закрытыми глазами, вытянув руки вдоль тела. Чуть в стороне от нее валялся рюкзак, и выше по склону виднелись островки чахлой прибрежной травы. Надо сказать ей, чтобы не лежала так долго под палящим солнцем, подумал он.

Он зашел в море и поплыл, рассекая прозрачную холодную воду, потом перевернулся и поплыл на спине, глядя, как с каждым ударом его рук и ног удаляется пляж. Затем снова перевернулся, нырнул, коснувшись руками шершавого песчаного дна, всплыл на поверхность и поплыл медленным размашистым кролем. Выйдя на берег, он подошел к девушке и увидел, что она спит. Нашел в рюкзаке свои часы и отметил время, когда следует ее разбудить. Потом взял бутылку белого вина, завернутую в газету и полотенца, чтобы вино не нагрелось, и, не разворачивая бутылки, вытащил пробку и стал пить прямо из бесформенного кулька. Потом сел на песок: стеречь девушку и смотреть на море.

Море здесь всегда холоднее, чем кажется, подумал он. Вода на местных пляжах, за исключением самых мелких, прогревалась только к середине лета. На пляже, который выбрали они с Кэтрин, дно резко уходило вниз, и вода обжигала холодом. Только активное движение позволяло отчасти согреться. Он смотрел на море, на высокие облака; отметил, что рыболовецкие суда откочевали далеко на запад. Потом снова обратил взор на спящую девушку. Песок на пляже уже просох, и там, где он шевелил его ногой, ветер подхватывал песчинки и уносил их с собой.

На протяжении всей ночи он чувствовал на себе ее руки. И потом, когда проснулся, в окно проникал лунный свет, и она опять занялась черной магией превращений, и он не сказал «нет», когда она вела эти разговоры и задавала вопросы; перемена была настолько резкой, что его пронзила острая боль, и когда у них наконец иссякли силы и все это прекратилось, ее буквально трясло, и она прошептала ему:

– Вот теперь мы сделали это. Теперь мы сделали это по-настоящему.

«Да, – подумал он. – Теперь мы сделали это по-настоящему». И когда она внезапно уснула, как набегавшийся ребенок, и лежала – прекрасная в лунном свете, резко очертившем новую форму ее головы, – он приник к ней и сказал про себя: «Я с тобой. Какие бы мысли еще ни таились в твоей голове, я с тобой, и я

люблю тебя».

Утром ему страшно хотелось есть, но он решил дождаться ее пробуждения. Потом не выдержал и поцеловал ее, и она проснулась и улыбнулась ему, лениво сползла с постели, умылась в большом тазу, села перед зеркалом туалетного столика, причесалась, глядя на себя без улыбки, но потом улыбнулась и дотронулась кончиками пальцев до своих щек, натянула через голову рыбацкую блузу и поцеловала молодого человека. Затем встала, так что ее груди толкнулись ему в грудь и сказала:

- Не волнуйся, Дэвид. Твоя хорошая девочка вернулась к тебе.

Но он не мог не волноваться и не думать о том, что будет с ними, если события начали развиваться в таком опасном направлении и в таком бешеном темпе. Что только не сгорит в этом диком костре? «Мы были счастливы, и я уверен, что она была счастлива. Но кто знает? И кто я такой, чтобы судить ее, если я сам участвовал в этом, принял эти перемены и после всего нахожу в себе силы жить? И если Кэтрин это нужно, кто я такой, чтобы препятствовать ей? Тебе необыкновенно повезло с женой, а грех – это то, отчего на сердце ложится тяжесть. Разве тебе тяжело? Нет, с бокалом вина ты чувствуешь себя очень даже неплохо, – сказал он себе, – только что ты станешь пить, когда и вино уже не поможет?»

Он достал из рюкзака бутылочку с маслом и нанес немного на подбородок, щеки и нос девушки, потом нашел в кармане рюкзака бледно-голубой носовой платок и положил его ей на грудь.

- Пора вставать? – спросила Кэтрин. – А мне снится такой чудесный сон.

- Можешь досмотреть.

- Спасибо.

Спустя несколько минут она издала глубокий вздох, тряхнула головой и села.

- Пойдем искупаемся, – сказала она.

Они вошли в воду и долго плавали и резвились, словно молодые дельфины. Выйдя на берег, они вытерли друг друга полотенцем, он принес ей кулек с бутылкой все еще холодного вина, и они отпили по глотку, после чего девушка взглянула на Дэвида и засмеялась.

- Вино хорошо утоляет жажду, - сказала она. - Ты не против, если мы будем братьями, нет?

- Нет.

Он потрогал ее лоб, нос, щеки и подбородок и растер остатки масла на висках и за ушами.

- Я хочу, чтобы поскорее загорели все белые места, появившиеся после стрижки.

- Ты ужасно темный, братишка, - сказал он. - Ты даже не представляешь, до какой степени.

- А мне это нравится, - сказала девушка. - И я хочу стать еще темнее.

Они лежали на твердом песке, который уже просох после прилива, но еще не успел нагреться. Молодой человек налил в ладонь немного масла и легонько растер им бедра девушки. Затем начал намазывать живот и груди, и девушка сонно пробормотала:

- В таком виде мы не очень похожи на братьев, верно?

- Да.

- Я так стараюсь быть хорошей девочкой. Правда, милый, тебе нечего опасаться до наступления ночи. Днем мы не позволим себе ничего из того, что бывает ночью.

В гостиничном баре, коротая время за бутылкой вина, их ждал почтальон; он вручил девушке под расписку объемистый конверт с письмами из парижского банка. Он также привез три письма, переадресованные банком для Дэвида. Это

была их первая почта с тех пор, как молодожены попросили пересылать их корреспонденцию на адрес гостиницы. Молодой человек дал почтальону пять франков и пригласил выпить с ним еще по бокалу вина. Девушка забрала ключи от номера и сказала:

– Я поднимусь к нам в номер, приведу себя в порядок и встречу с тобой в кафе.

Выпив вина, молодой человек попрощался с почтальоном и побрел вдоль канала в сторону кафе. Приятно будет охладиться в тени: пока они шли под палящим солнцем с дальнего пляжа, ему напекло голову. В кафе царила приятная прохлада. Он заказал вермут с содовой, достал перочинный нож и вскрыл письма. Все три письма были от издателей, причем два из них содержали газетные вырезки и образцы рекламных объявлений. Он пробежал глазами вырезки и принялся за длинное письмо. Издатель выражал надежду и сдержанный оптимизм. Пока еще рано говорить о том, как разойдется книга, но, вероятнее всего, хорошо. Отзывы идут отличные. Конечно, есть и критические, но этого следовало ожидать. Издатель подчеркнул в рецензиях фразы, которые собирался использовать в рекламной кампании, и выразил сожаление, что не может сообщить более точных сведений о том, как продается книга, ибо не в его правилах давать прогнозы относительно продаж. Эта практика себя не оправдывает. Однако важно, что критики приняли книгу замечательно. В своих рецензиях они преподносят ее как настоящее событие в литературной жизни. Он может сам посмотреть вырезки. Первый тираж напечатали количеством пять тысяч экземпляров, но под давлением восторженных отзывов уже заказали дополнительный тираж. Теперь в рекламных анонсах можно будет указывать: «Дополнительный тираж». Издатель надеялся, что Дэвид счастлив, как того и заслуживает, и наслаждается отдыхом, который он еще более заслужил. Передавал наилучшие пожелания супруге.

Молодой человек подозвал официанта, одолжил у него карандаш и занялся вычислениями. «Два доллара пятьдесят центов умножить на тысячу. Ну, это просто. Десять процентов от двух с половиной тысяч суммы составляют двести пятьдесят долларов. Умножаем на пять и получаем тысячу двести пятьдесят долларов. Из них вычитаем семьсот пятьдесят аванса. Итого за первый тираж мне еще причитается пятьсот долларов.

Так, теперь второй тираж. Допустим, это будут две тысячи экземпляров. Мой гонорар – двенадцать с половиной процентов от пяти тысяч – кажется, так сказано в контракте. Значит, я получу еще шестьсот двадцать пять долларов. А

что, если двенадцать с половиной платят только с тиража больше десяти тысяч? В любом случае мне полагается еще как минимум пятьсот долларов. Значит, в общей сложности – тысяча».

Дэвид начал читать рецензии и не заметил, как выпил весь вермут. Он заказал еще и вернул официанту карандаш. Он еще не успел дочитать газетные вырезки, когда появилась девушка с объемистой пачкой писем.

– Я не знала, что тебе прислали рецензии, – сказала Кэтрин. – Дай мне взглянуть на них. Пожалуйста, позволь мне посмотреть их.

Официант принес девушке вермут и увидел у нее в руках газетную вырезку с фотографией молодого человека.

– C'est Monsieur?[11 - Это месье? (фр.)] – спросил он.

– Да, – ответила девушка и протянула ему газету.

– Только в другой одежде, – заметил официант. – Здесь написано о вашей свадьбе? А можно взглянуть на фото мадам?

– Нет, здесь пишут не о свадьбе. Это рецензия на новую книгу месье.

– Бесподобно, – сказал официант, потрясенный до глубины души. – Мадам тоже писательница?

– Нет, – ответила девушка, не отрывая глаз от статьи, – мадам – домохозяйка.

Официант недоверчиво рассмеялся:

– Мадам, наверное, играет в кино.

Они прочитали несколько рецензий, потом девушка отложила одну из них и сказала:

– Меня пугают эти статьи. У меня не укладывается в голове, что тот, о ком здесь пишут, и тот, кого я знаю, тот, кто живет той жизнью, что мы живем, – один и тот же человек.

– Я этим уже переболел, – сказал молодой человек, – а для тебя это все пока в новинку. Не пугайся, ты скоро привыкнешь.

– Но эти рецензии ужасны, – сказала она. – Подобные статьи могут уничтожить тебя, если ты согласишься в то, о чем здесь пишут. Надеюсь, ты не думаешь, будто я вышла за тебя замуж только потому, что тебя превозносят критики?

– Нет, я так не думаю. Давай дочитаем рецензии, а потом можно будет снова запечатать их в конверт.

– Я понимаю: тебе необходимо прочесть их. Я не так глупа, чтобы поднимать из-за этого шум. Но оставить их потом у себя, хотя бы и в конверте? Это все равно что возить с собой урну с прахом.

– Любая женщина была бы счастлива, если бы критики похвалили ее непутевого мужа.

– Я не все, и непутевый муж не про тебя. Пожалуйста, не будем спорить.

– Разве мы спорим? Давай договоримся: ты читаешь и, если тебе попадается дельная или свежая мысль, говоришь мне об этом. Кстати, книга уже начала приносить доход.

– Замечательно. Как я рада. Но мы и так знаем, что ты написал хорошую книгу. Если бы критики назвали ее никчемной и она не принесла ни единого цента, я была бы ничуть не менее счастлива и горда за тебя.

«А я нет», – подумал молодой человек, но не стал произносить этого вслух. Он продолжил чтение, разворачивая и снова складывая вырезки и убирая их в конверт. Девушка тоже вскрывала конверты и без малейшего интереса читала свои письма. Потом стала смотреть на море. Ее лицо за время путешествия стало темно-золотым, волосы были гладко зачесаны назад – так, чтобы казалось, будто она только что вышла из воды. На висках волосы выгорели до цвета белого

золота и резко оттеняли смуглую кожу. Она смотрела на море, и в глазах ее затаилась грусть. Затем она снова вернулась к письмам. Одно из них – длинное, отпечатанное на машинке – она прочитала с особым вниманием. Потом занялась остальными. Глядя на девушку, молодой человек подумал, что она лушит их как горох.

– Что тебе пишут? – спросил он.

– В основном это чеки.

– Крупные?

– Да, два довольно крупных.

– Прекрасно.

– Разве? Для тебя же деньги ничего не значат.

– Я так говорил?

– Нет. Но ты так думал.

– Прости. И какая там сумма?

– Не слишком большая, но достаточная. Деньги переведены в банк на мое имя. Ведь я теперь замужем. Я же говорила, что нам лучше пожениться. Конечно, это не бог весть какой капитал, но на жизнь хватит. Мы можем их тратить, и в этом нет ничего плохого – ведь на то они и деньги, чтобы их тратить. И это не считая того, что я получаю ежемесячно, и не говоря уж о том, что я получу, достигнув двадцати пяти лет, и той суммы, которая перейдет в мое распоряжение, когда мне исполнится тридцать. Все эти деньги – наши, и мы можем делать с ними все, что захотим. Какое-то время о деньгах можно вообще не думать. Все очень просто.

– За вычетом аванса книга принесла мне тысячу долларов, – сказал он.

– Ну разве это не прекрасно, тем более что она только что вышла?

- Конечно, прекрасно. закажем еще по вермуту?
- Давай что-нибудь другое.
- Сколько ты уже выпила?
- Только одну порцию. Но словно и не пила.
- Я выпил уже две и тоже не распробовал.
- Есть здесь что-нибудь стоящее? – спросила она.
- Ты когда-нибудь пробовала арманьяк с содовой? Арманьяк у них хороший.
- Ладно, давай попробуем.

Официант принес арманьяк, и молодой человек попросил вместо газировки в сифоне принести бутылку холодного перье. Официант разлил арманьяк в большие фужеры, а молодой человек добавил в них лед и перье.

- Сейчас арманьяк ударит нам в голову, – сказал он. – В действительности его не стоит пить до обеда.

Девушка сделала большой глоток.

- Хороший, – сказала она. – Чистый, свежий, отвратительно здоровый вкус. Очень отчетливый. Чувствуешь?

- Да, – сказал он, переводя дыхание. – Чувствую.

Она отпила еще и улыбнулась. В уголках ее глаз разбежались морщинки. В сочетании с холодным перье тяжелый коньяк заиграл.

- Напиток героев, – сказал молодой человек.

– Я не прочь стать героем, – сказала девушка. – Ведь мы не похожи на обычных людей. Чтобы выразить свою любовь, нам не требуется называть друг друга «любимый», «милая», «дорогая», «любовь моя». «Милая», «дорогая», «дражайшая» – это почти непристойно. Достаточно имен, данных нам при крещении. Почему мы должны быть как все?

– Ты очень умная девушка.

– Послушай, Дэви, – сказала она, – оставь предрассудки. Почему мы не можем продолжить наше путешествие, если оно доставляет нам удовольствие? Мы будем делать все, что ты пожелаешь. Если бы ты был европейцем, по закону мои деньги стали бы нашей общей собственностью, но они в любом случае твои. Понимаешь? Твои.

– Да черт с ними, с деньгами.

– Хорошо, черт с ними. Но мы их потратим, и я очень этому рада. После ты можешь написать об этом в книге. Во всяком случае, до тех пор, пока у меня не появится ребенок, мы можем себе это позволить. Хотя будет ли у меня ребенок? Ладно, от этих разговоров становится скучно и неинтересно. Разве нельзя просто жить и не обсуждать всего этого?

– А что, если я хочу писать? Стоит мне сказать, что я не должен чего-то делать, как у меня появляется желание это сделать.

– Ну так пиши, глупый. Ты не давал обещания, что не будешь писать. Кто тебе сказал, что я возражаю против того, чтобы ты писал? Ну кто?

На самом деле временами в ее словах проскальзывало недовольство, однако сейчас он не мог припомнить, когда именно; его мысли были заняты другим.

– Если хочешь писать – приступай. Я найду, чем себя занять. Надеюсь, мне не придется уехать, чтобы ты мог писать?

– Скоро сюда начнут прибывать отдыхающие. Если ты хочешь продолжать путешествовать, куда мы поедem дальше?

- Куда скажешь. Значит, ты согласен путешествовать, Дэви?

- Смотря сколько.

- Пока не надоест. Полгода. Девять месяцев. Год.

- Хорошо.

- Правда?

- Конечно.

- Ты ужасно хороший. Если бы у тебя не было других достоинств, я полюбила бы тебя за решительность.

- Легко быть решительным, когда не знаешь, куда это тебя заведет.

Он допил напиток героев, который теперь уже не казался ему таким хорошим. Он заказал еще бутылку холодного перье и, чтобы напиток был крепче, не стал добавлять лед.

- Мне тоже сделай покрепче, - сказала девушка. - И давай наконец обедать.

Глава третья

В ту ночь, когда они еще не спали, она сказала в темноте:

- Совсем не обязательно заниматься этой дьявольщиной каждую ночь. Пожалуйста, имей это в виду.

- Хорошо.

– Мне и раньше все очень нравилось, и я всегда твоя девушка. Не думай, что ты одинок. Пойми: я такая, какая нужна тебе, и такая, какая нужна мне, но в обоих случаях я всегда твоя. Можешь не отвечать. Я просто говорю тебе об этом, чтобы ты спал спокойно, мой хороший любимый муж и брат. Я люблю тебя. Когда мы поедем в Африку, я стану твоей африканской девушкой.

– Разве мы собирались в Африку?

– А разве нет? Ты не помнишь? Мы же говорили об этом сегодня. Поэтому мы можем поехать туда или в любое другое место. Но разве мы не собирались туда?

– Почему ты сразу не сказала?

– Не хотела давить на тебя. Я же сказала: куда захочешь. Я поеду с тобой куда угодно. Но я подумала, что тебе захочется именно в Африку.

– Сейчас неподходящее время для Африки. В это время года там сильные дожди, высокая трава и слишком холодно.

– А мы заберемся в теплую постель и будем слушать, как по железной крыше стучит дождь.

– Нет, слишком рано. От дождей развезло дороги, и мы не сможем никуда поехать, и трава такая высокая, что за ней ничего не видно.

– Куда же нам тогда ехать?

– Можно в Испанию, но праздник в Севилье уже прошел, кстати, как и праздник святого Исидора в Мадриде. Выходит, для Испании тоже не время. Ехать на Баскское побережье опять слишком рано – там сейчас холодно и дожди. Словом, кругом дожди.

– Хорошо, а есть в Испании хоть одно место, где жарко и можно купаться так же, как здесь?

– Так же, как здесь, в Испании купаться нельзя. Тебя арестуют.

- Вот тоска. В таком случае пусть Испания подождет, я хочу стать еще темнее.

- Зачем?

- Не знаю. Почему иногда нам чего-то хочется? Сейчас я хочу этого больше всего на свете. Вернее, это то, чего нам с тобой не хватает. Разве ты не испытываешь особого волнения, когда видишь меня такой темной?

- Хм... более чем.

- И разве мог ты подумать, что я стану такой?

- Нет, конечно. Ведь ты блондинка.

- Вот видишь, у меня получилось. Я похожа на львицу, а они бывают очень темными. Но я хочу стать темной до кончиков пальцев, и ты тоже станешь темнее, чем индеец, и мы будем еще сильнее отличаться от всех остальных людей. Теперь понимаешь, почему это важно?

- И кем же мы тогда будем?

- Не знаю. Возможно, просто самими собой. Только другими. Пожалуй, так будет лучше всего. И мы продолжим наше путешествие, верно?

- Конечно. Можем перебраться за Эстерель и поискать там местечко вроде этого.

- Можем. На свете есть множество диких мест, где нет людей даже летом. А если взять напрокат машину, то вообще сможем добраться куда угодно. Хоть в ту же Испанию. Если мы как следует загорим, нам будет нетрудно удержать загар, если только не придется жить в городе. Но ведь мы и не собирались жить летом в городе.

- И насколько темной ты намерена стать?

- Насколько возможно. Там будет видно. Жаль, во мне нет индейской крови. Я намерена стать такой темной, что ты не сможешь устоять. Я не могу дождаться

завтрашнего дня, чтобы поскорее оказаться на пляже.

Она так и заснула, приподняв лицо вверх, словно лежала на пляже под солнцем. Потом она повернулась к нему, свернувшись клубком, а молодой человек лежал без сна и думал о прошедшем дне. «Возможно, я в любом случае не смог бы начать сейчас работать, а может, это сигнал, что мне пока и рано думать об этом. Нужно просто жить и наслаждаться тем, что есть. Когда у меня возникнет потребность писать, я буду писать. И тогда уже ничто меня не остановит. Моя последняя книга получилась хорошей, значит, теперь я обязан писать еще лучше. Та чепуха, которой мы здесь занимаемся, всего лишь забава, хотя как знать, что забава, а что всерьез? Пить коньяк среди бела дня – это черт знает что такое, но что делать, если обычное столовое вино тебя уже не берет? Недобрый знак. Она легко превращается из девочки в мальчика и обратно. И вот она спит, спокойная и прекрасная, и ты тоже заснешь, потому что единственное, что ты во всем этом понимаешь, – это то, что тебе хорошо. Ты не променял свои принципы на деньги, – подумал он. – Насчет денег она права. Да и в остальном тоже. У нас действительно есть еще время, когда можно ни о чем не задумываться. Что она там говорила о своей губительной натуре?» Он никак не мог вспомнить. Что-то такое она говорила, но что именно, он забыл.

Потом ему надоело вспоминать, он посмотрел на девушку и тихонько, стараясь не разбудить, коснулся губами ее щеки. Он любил ее всем сердцем – такую, как есть, и, засыпая, вспоминал нежность ее щеки на своих губах и думал о том, как завтра они будут загорать, чтобы стать еще темнее. Интересно, насколько темной она может стать и насколько темной она была уже все это время?

Глава четвертая

День клонился к вечеру. Небольшой приземистый автомобиль катился по черной дороге, бегущей сквозь холмы и поля. Справа они все время видели темно-синий океан, который отделяли от шоссе ровный пляж Андайе[12 - Город у границы с Испанией на берегу Атлантического океана.] – целых две мили желтого песка – и пустынный бульвар вдоль границы пляжа. Впереди со стороны океана громоздились большой отель и здание казино, а слева тянулись молодые деревца и баскские виллы – белые и бревенчатые, в окружении собственных садов. Молодые люди медленно вели машину вдоль бульвара, поглядывая на

великолепный пляж и горы Испании, в сумерках казавшиеся голубыми. Машина миновала казино и большой отель и двигалась к концу бульвара. Впереди находилось устье реки, впадавшей в океан. Было время отлива, и за ярким песчаным пляжем они увидели старинный испанский городок, зеленые холмы за заливом и у самого горизонта маяк. Они остановили машину.

***

- Красивое место, - сказала девушка.

- Вон в том кафе есть столики под деревьями, - сказал молодой человек. - Похоже, это единственное место во всей округе, где растут старые деревья.

- Странно, - сказала девушка, - почему здесь кругом только молодые посадки? И почему они насажали столько мимозы?[13 - Мимоза является символом залива Ла-Напуль. В феврале в городке Мандельё-ла-Напуль ежегодно проводится праздник мимозы.]

- Хотят перещеголять Лазурный берег.

- Наверное. Здесь все кажется слишком новым. Но пляж замечательный. Во Франции я не видела таких больших пляжей и такого мелкого мягкого песка. В Биаррице вообще кошмар. Подгони машину ближе к кафе.

Они поехали по правой стороне дороги. Молодой человек остановил машину у бордюра и выключил зажигание. Дэвид и Кэтрин заняли столик под деревьями, и им было приятно есть, сознавая, что люди за соседними столиками ничего о них не знают.

Ночью поднялся ветер, и в их угловом номере на верхнем этаже большого отеля было слышно, как волны тяжело обрушиваются на песок. В темноте молодой человек подтянул одеяло повыше, и девушка сказала:

- Ты рад, что мы остались здесь ночевать?

- Мне нравится слушать шум прибоя.

- Мне тоже.

Они лежали рядом и слушали море. Ее голова покоилась у него на груди, и она потерлась о нее подбородком, потом приподнялась в постели, прижалась щекой к его щеке. Поцеловала его, и он почувствовал, как ее рука дотронулась до него.

- Хорошо, - сказала она в темноте. - Прекрасно. Ты точно не хочешь, чтобы я изменилась?

- Не сейчас. Я замерз. Пожалуйста, не отпускай меня. Я хочу согреться.

- Обожаю, когда ты замерзаешь рядом со мной.

- Если здесь будет и дальше так холодно, нам придется спать в пижамах. Забавно будет завтракать в постели в пижамах.

- Это голос Атлантического океана, - сказала она. - Послушай его.

- По-моему, здесь хорошо, - сказал он. - Если хочешь, можем пожить здесь какое-то время. А нет - поедem дальше. На свете есть столько мест, куда можно поехать...

- Давай поживем несколько дней, а там будет видно.

- Хорошо. Тогда я, пожалуй, начну писать.

- Это будет чудесно. Завтра осмотрим окрестности. Ты ведь сможешь работать в номере, если я буду уходить? До тех пор, пока мы не найдем более подходящего жилья?

- Конечно.

- За меня можешь не волноваться. Ты всегда должен помнить, что я люблю тебя. Мы с тобой вдвоем против целого мира. Пожалуйста, поцелуй меня.

Он поцеловал ее.

– И еще: я не сделала ничего плохого – ничего такого, что могло бы повредить нам с тобой. Просто я не могла иначе. Ты должен это знать.

Он ничего не сказал, продолжая слушать, как в ночи за окном тяжелые волны падают на твердый мокрый песок.

К утру море оставалось бурным, хлестал дождь. Испанский берег скрылся во мгле, и даже когда дождь слегка утихал и на горизонте появлялись просветы, по ту сторону ревущего моря были видны лишь тяжелые облака, окутавшие подножие гор.

Кэтрин ушла сразу после завтрака, набросив плащ от дождя. Дэвид остался работать в номере. Слова полились у него так легко и свободно, что он даже засомневался, не стоит ли выбросить все написанное в мусорную корзину. Слишком уж просто все получалось. «Спокойнее, – сказал он себе. – Это очень хорошо, когда удается найти простые слова. Чем проще, тем лучше. Просто не значит примитивно. Ты должен понимать всю сложность того, что хочешь выразить, но излагать мысль простым и ясным языком. Ведь не думаешь же ты, что все происходившее в Гро-дю-Руа было так просто, как тебе удалось это описать?»

Он продолжал писать простым карандашом в обычной разлинованной школьной тетради, которая здесь называлась cahier, и даже проставил на обложке римскую цифру один. Наконец он закончил, убрал тетрадь, картонную коробку с карандашами и конусообразную точилку в чемодан, оставив на столе пять затупившихся карандашей, чтобы завтра перед работой их поточить, снял с вешалки в шкафу плащ и спустился по лестнице в фойе отеля. Заглянул в темный бар, который в дождь казался особенно уютным – несмотря на раннее время, здесь уже было несколько посетителей, – и повесил ключи на стойку. Портье достал из ящика для почты записку.

– Мадам оставила для меня.

Молодой человек развернул записку: «Дэвид, не хотела тебя беспокоить, в кафе, люблю, Кэтрин». Он набросил старый теплый непромокаемый плащ, нащупал в кармане boina[14 - Берет (исп.).] и вышел из отеля под дождь.

Она сидела за угловым столиком небольшого кафе, перед ней стояло мутное желтоватое питье, на тарелке лежал один-единственный маленький темно-красный свежесловленный рак в окружении останков своих собратьев. По всему было видно, что Кэтрин сидит здесь давно.

- Где ты был, странник?

- Прошелся по улице.

Он заметил на ее лице следы дождя, и взгляд его сосредоточился на тех изменениях, которые произвели капли воды с ее загорелой кожей. Даже вымокнув под дождем, она выглядела необыкновенно хорошенькой, и он снова почувствовал себя счастливым.

- Как ты продвинулся? - спросила Кэтрин.

- Неплохо.

- Значит, ты все-таки работал. Отлично.

Официант обслуживал троих испанцев за столиком у двери. Потом подошел к ним и поставил на стол бокал, бутылку «Pernod»[15 - Зд.: абсент.] и воду в крошечном кувшинчике с узким горлышком. В воде плавали кусочки льда.

- Pour Monsieur aussi?[16 - Зд.: Принести бокал для месье? (фр.)] - спросил он.

- Да, пожалуйста, - сказал молодой человек.

Официант наполнил высокие бокалы абсентом до половины, потом начал медленно доливать в бокал девушки воду.

- Я сделаю это сам, - сказал молодой человек, и официант с видимым облегчением поставил бутылку на стол. Молодой человек начал лить воду тоненькой струйкой, а девушка наблюдала, как желтоватая жидкость в стакане приобретает молочно-опаловый цвет. Она почувствовала, как бокал теплеет под ее пальцами, а потом, когда желтый цвет окончательно сменился молочным, вдруг похолодел, и молодой человек начал цедить воду по каплям.

- А почему воду нужно лить так медленно? - спросила девушка.

- Когда наливаешь воду слишком быстро, абсент теряет крепость и уже никуда не годится. Пить его уже невозможно. По правилам полагается ставить поверх бокала стакан, на дне которого есть маленькая дырочка. В стакан засыпают лед; он тает, и вода медленно капает в абсент. Но тогда, естественно, окружающие сразу поймут, что ты пьешь абсент.

- Пока тебя не было, сюда заглянула парочка G.N., и мне пришлось выпить свою порцию залпом, - сказала девушка.

- G.N.?

- Так их здесь называют. На велосипедах, в форме цвета хаки, с черной кожаной кобурой. Пришлось проглотить улику.

- Проглотить?

- Извини. Поскольку я ее «проглотила», у меня начал заплетаться язык.

- С абсентом следует быть осторожнее.

- Наоборот. В голове появилась такая легкость.

- И только?

Он закончил приготовление абсента для девушки. Напиток получился крепким.

- Можешь пить, - сказал он. - Меня не жди.

Она сделала большой глоток, после чего он взял у нее бокал и попробовал сам.

- Благодарю, мадам. То, что надо, чтобы взбодриться.

- Ну тогда приготовь для себя, чтец газетных вырезок, - сказала она.

- И как это понимать? - спросил молодой человек.

- Я ничего не говорила.

Однако она сказала это, и он продолжил:

- Перестань поминать мне эти вырезки.

- Почему? - громко произнесла она, склонившись к нему через стол. - Почему я должна перестать? Только потому, что сегодня утром ты писал? Ты думаешь, я вышла за тебя, потому что ты писатель? Думаешь, я вышла за тебя и за эти вырезки?

- Ладно, остальное выскажешь, когда мы останемся одни.

- Будь уверен, молчать не стану.

- Догадываюсь.

- Тут и догадываться нечего. Можешь не сомневаться.

Дэвид Борн поднялся, снял с вешалки пальто и не оглядываясь вышел за дверь.

Кэтрин подняла свой бокал и маленькими глотками пила абсент.

Дверь распахнулась, на пороге появился Дэвид и прошел к столу. Он был в пальто, boina низко надвинут на лоб.

- Ключи от машины у тебя?

- У меня.

- Могу я их получить?

Она отдала ему ключи.

- Не глупи, Дэвид. Просто сегодня шел дождь, и ты был единственный, кто вздумал в такую погоду работать. Сядь.

- Ты этого хочешь?

- Пожалуйста.

Он сел. «Как все бессмысленно, - думал он. - Вместо того чтобы уйти, сесть в эту проклятую машину и убраться отсюда и послать Кэтрин ко всем чертям, ты вернулся, чтобы взять у нее ключи, и теперь сидишь перед ней как последний идиот». Он взял свой бокал и отпил. Абсент по крайней мере хорош.

- Какие у тебя планы на ленч? - спросил он.

- Я заранее согласна на все, что ты предложишь. Ведь ты еще любишь меня, правда?

- Не говори ерунды.

- Отвратительная ссора, - сказала Кэтрин.

- И кстати, первая.

- Это я виновата, что опять начала донимать тебя с этими вырезками.

- Ни слова больше об этих чертовых вырезках.

- Все из-за них.

- Просто ты постоянно думала о них, когда пила. Ты заговорила о них из-за того, что пила.

- Не знаю, с чего меня понесло. Ужасно. На самом деле это была всего лишь шутка. Признаю: неудачная.

- Раз ты заговорила об этом, значит, все время держала это в голове.

- Ну ладно. Мне казалось, мы покончили с этим.
- Да.
- Тогда зачем говорить об этом снова и снова?
- Не надо нам было пить абсент.
- Не надо. Конечно. Особенно мне. Тебе-то он только на пользу. Разве нет?
- Так и будем продолжать? – спросил он.
- Я-то уж точно собираюсь остановиться. Это уже просто скучно.
- «Скучно» – единственное слово в английском языке, которого я не выношу.
- Тебе повезло, что в английском языке есть только одно такое слово.
- О, черт. Ешь свой ленч без меня.
- Нет. Одна я не буду. Мы пообедаем вместе и будем вести себя как цивилизованные люди.
- Хорошо.
- Извини. Я действительно хотела пошутить – к сожалению, неудачно. Правда, Дэвид, это была только шутка.

Глава пятая

Когда Дэвид проснулся, сильный отлив обнажил берег, яркое солнце освещало пляж и темно-синее море. Горы очистились от облаков, ярко зеленели умытые дождем холмы. Кэтрин еще спала. Дэвид смотрел, как она ровно дышит, как

блики солнца играют на ее лице, и удивлялся, как можно спать, когда тебе прямо в глаза светит солнце.

Он сполоснулся под душем, побрился, почистил зубы. К этому времени он уже был не прочь позавтракать, но, натянув брюки и свитер, достал тетрадь, карандаши и точилку и сел за стол у окна, выходящего на устье реки, на другом берегу которой начиналась Испания. Он начал писать и сразу забыл и о Кэтрин, и о том, какой чудесный вид за окном; сегодня ему улыбалась удача, и, как всегда в такие моменты, слова сами ложились на бумагу. Он описал все точно, как было, но зловещие тени обозначил едва заметно: так легкая зыбь в безмятежном море обозначает подводные рифы.

Какое-то время он работал, потом взглянул на спящую Кэтрин: теперь ее губы изогнулись в улыбке; в распахнутое окно на кровать падал прямоугольник света, ярко выделяя шоколадное тело и каштановую голову Кэтрин на фоне белизны смятой простыни и нетронутой подушки. «На завтрак мы уже опоздали, – подумал Дэвид. – Оставлю Кэтрин записку и спущусь в кафе: закажу себе *café crème* [17 - Кофе со сливками (фр.).] и еще что-нибудь». Но, пока он убирал в портфель работу, Кэтрин проснулась, подошла к нему, обвила руками, поцеловала в шею и сказала:

– Я – твоя ленивая обнаженная жена.

– Зачем ты проснулась?

– Не знаю. Скажи, куда ты собрался, и через пять минут я буду готова.

– Хочу перекусить в кафе.

– Иди, я тебя догоню. Ты что – работал?

– Да.

– Удивительно. И это после всего, что вчера было. Я горжусь тобой. Поцелуй меня и посмотри, как мы смотримся в зеркале.

Он поцеловал и посмотрел в огромное зеркало, висевшее на двери ванной комнаты.

– Очень приятно не чувствовать на себе лишней одежды, – сказала она. – Будь умницей и постарайся добраться до кафе, не попав в передрагу. Мне закажи oeuif au jambon[18 - Яичница с ветчиной (фр.)]. И не жди. Ты и так не смог из-за меня нормально позавтракать.

В кафе он нашел местную утреннюю газету и вчерашние газеты, доставленные из Парижа. Ему принесли кофе с молоком, байоннскую ветчину и прекрасное большое свежее яйцо, которое он щедро посыпал грубо помолотым перцем и намазал горчицей, прежде чем взрезать ложечкой желток. Кэтрин все не шла, и Дэвид съел ее яичницу, не дожидаясь, пока она остынет, подчистив тарелку кусочком свежееиспеченного хлеба.

– Пришла мадам, – сообщил официант. – Я принесу ей другую тарелку.

Кэтрин надела юбку, кашемировый свитер и нитку жемчуга. Она помыла голову, но лишь слегка подсушила ее полотенцем, отчего распрямившиеся влажные волосы казались темнее и почти не отличались от ее поразительно загорелого лица.

– Какой прекрасный день, – сказала она. – Извини, что задержалась.

– Куда ты так нарядилась?

– Хочу съездить в Биарриц. Если хочешь, поедem вместе.

– Судя по всему, ты собиралась ехать без меня.

– Да. Но я буду рада, если ты присоединишься.

Он встал, и она сказала:

– Я собираюсь привезти тебе оттуда сюрприз.

– Не надо.

– Нет, надо. Он тебе понравится.

– Тогда я поеду с тобой, чтобы ты не натворила еще чего-нибудь.

– Нет. Лучше я поеду одна. Не жди меня на ленч: я вернусь во второй половине дня.

Дэвид прочитал газеты, потом прошелся по городу в надежде присмотреть дом, сдающийся в аренду, или место, где захотелось бы жить. Недавно отстроенный район показался ему симпатичным, но совершенно безликим. Ему очень понравились вид на залив и на дельту реки у границы с Испанией, и серые камни замка Фуэнтэррабья, и сияющие белизной домики вокруг, и коричневые горы, отбрасывающие синие тени. Странно, что дожди закончились так быстро; должно быть, основной фронт прошел южнее, над Бискайским заливом, а их зацепило лишь краем. Бискайский залив в Испании называли Vizcaya, но так же называлась и баскская провинция дальше по побережью за Сан-Себастьяном. Горы, возвышавшиеся над крышами приграничного городка Ирун, принадлежали уже провинции Гипускоа, а дальше шла Наварра, и там это уже была не Наварра, а Navarre. «И что мы здесь делаем, – подумал он, – и что я делаю здесь? Зачем я таскаюсь по этому курортному городку, рассматриваю ровные посадки магнолий и этой чертовой мимозы и выискиваю таблички «сдается» на домах, которые выдают здесь за баскские виллы? Ты не так уж много работал сегодня утром, чтобы до такой степени отупеть, или до сих пор не пришел в себя после вчерашнего? Работа здесь ни при чем, ты вообще почти не работал. А пора бы уже начать, потому что все пройдет очень быстро, и так же быстро пройдет интерес к тебе, если уже не прошел. Ладно. Не начинай все по кругу. Но ты должен вбить себе это в башку».

Он пошел через город; и красота угасающего дня постепенно смягчила его ожесточившееся сердце.

***

По комнате гулял бриз, дующий с моря; Дэвид читал, подложив под спину пару подушек и еще одну нахлобучив на голову. После ленча его потянуло в сон, но беспокойство, связанное с ожиданием Кэтрин, не позволяло уснуть, поэтому он читал и ждал. Наконец он услышал, как дверь отворилась, и она вошла. В

первую секунду он ее не узнал. Она стояла, положив руки на грудь поверх своего кашемирового свитера, и тяжело дышала – так, словно ей пришлось долго бежать.

– О нет, – сказала она. – Нет.

В следующее мгновение она оказалась рядом с ним в постели и, толкая его головой, говорила:

– Нет-нет. Пожалуйста, Дэвид. Неужели тебе совсем не нравится?

Он положил руку на голову, прижавшуюся к его груди, и почувствовал короткий шелковистый ежик волос.

– Дьявол, что ты с собой сделала?

Она подняла голову, посмотрела ему в лицо, потерлась губами о его губы и прижалась к нему всем телом.

– Теперь я могу рассказывать, – сказала она. – Я так рада. Нельзя было упускать такую возможность. Теперь я твоя новая девушка, и мы можем ее изучить.

– Дай мне взглянуть.

– Я покажусь тебе через минуту.

Она вернулась и встала у постели напротив окна, так чтобы на нее падало солнце. Она скинула юбку и осталась стоять босиком в одном свитере и нитке жемчуга.

– Ну вот, можешь смотреть, – сказала она. – Такая я теперь стала.

Он долго смотрел на ее длинные, покрытые темным загаром ноги, затем поднял глаза выше – к ее золотисто-каштановой голове, после чего девушка удовлетворенно сказала:

– Благодарю.

– Как тебе это удалось?

– Можно, я расскажу в постели?

– Если не очень долго.

– Нет, это недолго. Позволь мне рассказать. Впервые это пришло мне в голову по дороге сюда, где-то после Экс-ан-Прованса. Скорее всего, в Ниме, когда мы гуляли по саду. Но тогда я еще не представляла себе, как это будет выглядеть и как объяснить парикмахеру, чего я хочу. Но потом я стала размышлять, все обдумала и вчера наконец решилась.

Дэвид взъерошил ей волосы, проведя рукой от шеи к затылку и затем ко лбу.

– Подожди, дай сказать, – продолжила она. – Я знала, что в Биаррице должны быть хорошие парикмахеры – там ведь много англичан – и, приехав туда, сразу направилась в самый дорогой салон. Сначала я попросила мастера зачесать мне все волосы вперед. Он зачесал. Волосы полностью закрыли мне лоб и глаза, так что я ничего не видела. Я попросила подстричь меня под мальчика – первогодка привилегированной школы. Он поинтересовался, какой именно, и я предложила ориентироваться на Итон или Уинчестер – других школ, за исключением Рагби, я просто не помню, но быть как мальчик из Рагби я точно не хочу. Он попросил уточнить. Тогда я сказала – пусть будет Итон, но главное, чтобы волосы падали на лоб. Когда он закончил, я стала выглядеть как самая хорошенькая ученица Итона. Я попросила его постричь меня еще короче, и это уже был, конечно, не Итон, а потом сказала: еще короче. Наконец он сурово заметил мне, что «это уже не похоже на «итонскую» стрижку, мадемуазель». А я говорю: «Мне и не нужна была «итонская» стрижка, мсье. Я просто не знала, как лучше объяснить, чего я хочу. И, кроме того, я – мадам, а не мадемуазель». После чего я попросила его укоротить волосы еще, потом еще, и в результате получилось то ли ужасно, то ли прекрасно. Ничего, что челка коротковата? «Итонская» стрижка лезла в глаза.

– По-моему, чудесно.

– Стрижка классическая просто до ужаса. Мои волосы теперь напоминают звериную шкуру. Проведи рукой.

Он выполнил просьбу.

– Не переживай из-за того, что стрижка получилась слишком классической, – сказала девушка. – Мой рот ее уравнивает. А теперь, может, займемся любовью?

Она нагнула голову, и он стянул с нее свитер. Хотел расстегнуть замок ожерелья, но девушка остановила:

– Не надо, оставь.

Она лежала на спине, ее ноги были плотно сжаты, голова на простыне рядом с подушкой, жемчуг соскользнул с темного холмика груди. Глаза закрыты, руки вытянуты вдоль тела. Она почти не дышала. Это действительно была новая девушка, он увидел, что даже рот ее изменился.

– Ты сделаешь все заново, – сказала она. – С самого начала.

– Так – правильно?

– О да. И не жди слишком долго. Нет, только недолго...

Ночью она лежала, обвив его руками, и нежно терлась ершиком волос о его грудь, потом приподнялась и, прижавшись губами к его губам, проговорила:

– Ты такой красивый и податливый, когда спишь. Ты никак не хотел просыпаться. Я думала, ты не спишь, и это было прекрасно. Ты позволял мне делать все, что я захочу. Ты думал, это сон? Не просыпайся. Теперь я буду спать, потому что иначе я превращусь в дикарку. Она не спит и охраняет тебя. Ты спишь и знаешь, что я здесь. Пожалуйста, спи.

Первым, что он увидел, проснувшись на следующее утро, было прильнувшее к нему прекрасное тело, которое он так хорошо изучил. Какое-то время он

рассматривал ее шею и плечи, словно выточенные из полированного темного дерева, и темно-рыжую головку, напоминавшую маленького зверька, потом приподнялся и поцеловал ее лоб, ощутив под губами волосы, потом – глаза и потом – очень нежно – рот.

– Я сплю.

– Я тоже.

– Знаю. Появилось какое-то новое ощущение. В эту чудесную ночь все было по-другому.

– Ничего нового.

– Говори что хочешь. О-о, мы так чудесно подходим друг другу. Давай спать?

– Ты хочешь спать?

– Я хочу, чтоб мы оба спали, – сказала Кэтрин.

– Я попытаюсь.

– Ты спишь?

– Нет.

– Пожалуйста, попробуй.

– Я стараюсь.

– Тогда закрой глаза. Как можно спать с открытыми глазами?

– Я сегодня проснулся и увидел, что ты стала совершенно другой. Мне понравилось.

– Правда, здорово, что я это придумала?

– Не то слово.

– Просто я поняла: это единственный способ повернуть время вспять. Неужели ты не понимаешь? Нет, ты не можешь не понимать. Разве можно не понимать, что сейчас, именно сейчас, в эту минуту, когда наши сердца бьются вместе, только это имеет значение? Только это, а мы не ценим, а ведь это так прекрасно и так хорошо, так хорошо и так прекрасно...

Она вернулась в гостиную, подошла к зеркалу, села перед ним, расчесала волосы и критически посмотрела на свое отражение.

– Давай позавтракаем в постели, – предложила она. – Можно выпить шампанского, только хорошего. У них есть хороший брют – «Лансон»[19 - «Лансон» – производитель вин высочайшего качества, выпускает очень редкий и дорогой сорт шампанского.] и «Перье-Жуэ». Я позвоню?

– Хорошо, – сказал он и отправился в душ. Запуская воду, он слышал, как она разговаривает по телефону.

Когда он вышел из ванной, девушка сидела на кровати, подложив под спину две взбитые подушки. Еще две аккуратно лежали в изголовье с его стороны.

– Как я тебе нравлюсь с мокрой головой?

– Она лишь слегка влажная. Ты же высушила ее полотенцем.

– Я могу подстричь челку еще короче. С этим я справлюсь и сама. Или попрошу тебя.

– Мне нравится, когда она спадает тебе на глаза.

– Я подумаю над этим. Как знать? Может быть, нам надоест классика. Сегодня мы пробудем на пляже весь день. Мы уйдем подальше – туда, где можно будет нормально позагорать после того, как все уйдут на ленч, а если проголодаемся, доедем на велосипеде до Сен-Жана и пообедаем в «Баре баска». Но сначала мы

пойдем на пляж. Так нужно.

- Хорошо.

Дэвид пододвинул стул к кровати и прислонился к девушке головой. Она посмотрела на него и сказала:

- Два дня назад все было совершенно нормально, но когда я выпила абсент, то вдруг увидела все в другом свете.

- Я понимаю. Ты не сдержалась.

- Но я обидела тебя с этими вырезками.

- Нет. Пыталась, но не смогла.

- Поверь мне, Дэвид, я так сожалею. Пожалуйста.

- Все мы порой совершаем поступки, которые другим могут показаться странными. Ты просто не сумела сдержаться.

- Нет. - Девушка покачала головой.

- Теперь все в порядке. Не плачь. Все хорошо.

- Я никогда не плачу, - сказала она, - но сейчас ничего не могу с собой поделать.

- Я знаю. Ты очень красивая, когда плачешь.

- Нет, не говори так. Но ведь прежде я ни разу не плакала, правда?

- Правда.

- Тебе будет плохо, если мы останемся здесь еще на два дня? Мы ни разу не искупались на местном пляже. Глупо было бы уехать отсюда, даже ни разу не искупавшись. А куда мы отправимся, когда уедем отсюда? О-о. Мы ведь еще не

решили. Подумаем об этом сегодня вечером или завтра утром. У тебя есть предложения?

- Я готов ехать куда угодно, - сказал Дэвид.

- Хорошо, туда и поедем.

- «Куда угодно» - широкое понятие.

- Хорошо бы подальше от людей. Я сама уложу наши вещи.

- Нам нечего укладывать: достаточно положить в чемодан туалетные принадлежности и застегнуть замки.

- Ты только скажи, и мы уедем хоть завтра утром. Я больше не хочу доставлять тебе ни малейших огорчений.

В дверь постучал официант.

- «Перье-Жуэ» не осталось, мадам, я принес «Лансон».

Девушка перестала плакать, но Дэвид продолжал держать ее руки в своих.

- Я знаю, - сказал он ей.

Глава шестая

Утро они провели в музее «Прадо» и теперь сидели в ресторане, расположенном в здании старой постройки с толстыми каменными стенами. Все здесь дышало прохладой и стариной: тяжелые, выдавшие виды деревянные столы и стулья, вдоль стен - бочонки с вином. Здесь царил бы полный мрак, если бы не свет, проникавший сквозь распахнутую настежь дверь. Официант принес два бокала мансанильи[20 - Сорт белого вина, разновидность хереса.] из винограда, выращенного в долине Marismas в окрестностях Кадиса, к вину подали

тончайшие ломтики знаменитой копченой испанской ветчины, которую готовят только из свиней, откормленных желудями, острую ярко-красную ветчинную колбасу и какую-то темную, еще больше наперченную колбасу из города Вик, а также оливки, фаршированные анчоусами и чесноком. Они не торопясь ели и запивали еду легким вином с ореховым привкусом.

На столе рядом с Кэтрин лежал испанско-английский разговорник с зеленой обложкой, Дэвид запасся стопкой утренних газет. День выдался жаркий, но здесь, за толстыми стенами, еще держалась прохлада.

– Не желаете отведать гаспаччо? – спросил пожилой официант, снова наполняя их бокалы.

– А сеньорите понравится?

– Испытайте ее, – мрачно ответил официант, будто речь шла о кобыле.

Подали гаспаччо. В большой миске супа, заправленного оливковым маслом и уксусом, плавали колотый лед, мелко нарезанные огурцы, помидоры, чесночный хлеб, зеленый и красный перец.

– Салатный суп, – заметила Кэтрин. – Вкусно.

– Гаспаччо, – пожал плечами официант.

Они пили вальдепеньяс[21 - Сорт красного вина.] из большого кувшина; после мансанильи он показался тяжелым и крепким, и, хотя гаспаччо немного смягчил его действие, вино заметно ударило им в голову.

– Что это за вино? – спросила Кэтрин у Дэвида.

– Африканское.

– Знаешь поговорку: Африка начинается у Пиренеев, – сказала Кэтрин. – Я помню, как поразила, в первый раз услышав ее.

- Это всего лишь поговорка. В действительности все гораздо сложнее. Просто пей вино и наслаждайся.
- Но как я могу узнать, где на самом деле начинается Африка, если я там никогда не была? Все постоянно меня разыгрывают.
- Конечно. Тебе следовало бы это понимать.
- Страна басков совсем не похожа на Африку, судя по тому, что я о ней слышала.
- Астурия и Галисия тоже не похожи, но стоит удалиться от побережья, как начинает проявляться самая настоящая Африка.
- Интересно, а почему никто из художников не пишет эти места? – спросила Кэтрин. – На всех картинах только Эскориал на фоне гор.
- Здесь проходит горная цепь. Никто не хочет покупать картины с видами Кастилии. У испанцев вообще никогда не было пейзажистов. Их художники писали только под заказ.
- А как же «Толедо» Эль Греко? Ужасно, что в такой прекрасной стране нет художников, способных перенести ее красоту на полотно.
- Что мы закажем после гаспаччо? – спросил Дэвид, когда к ним подошел распорядитель – невысокий плотный мужчина средних лет с квадратным лицом. – Он считает, что мы должны попробовать мясо.
- Есть отличное филе, – настаивал владелец ресторана.
- Нет, спасибо, – отказалась Кэтрин. – Только салат.
- Тогда выпейте еще вина, – сказал хозяин и снова наполнил кувшин из бочки, стоявшей за барной стойкой.
- Мне не следовало пить, – сказала Кэтрин. – Боюсь, я слишком разболталась. Прости, если наговорила глупостей. Это действие алкоголя.

– Для такого жаркого дня ты говоришь прекрасно и очень интересно. Значит, от вина ты становишься болтливой?

– Но не так, как после абсента. Эта болтливость неопасного рода. Я начала новую жизнь: теперь я много читаю, расширяю кругозор и стараюсь поменьше думать о себе. Я готова быть хорошей, но только если ты обещаешь, что летом мы не будем жить в городе. Может, нам продолжить путешествие? Пока мы ехали сюда, я увидела столько прекрасных мест, которые хотелось бы нарисовать, но я никогда не умела рисовать. Я знаю много такого, о чем можно было бы написать в книге, но я не в состоянии связно написать даже обычное письмо. Пока я не попала в эту страну, мне никогда не хотелось писать книги или картины. А сейчас во мне вдруг проснулась такая жажда творчества!.. Но я понимаю, что не в состоянии ее удовлетворить.

– Эта страна никуда не денется. Тебе не надо ничего делать, чтобы сохранить ее. Она всегда будет здесь. Так же, как и «Прадо», – сказал Дэвид.

– Да, но я не пропустила ее через себя. Я не хочу, чтобы все, что я видела, умерло вместе со мной.

– Все твое останется с тобой – каждая миля, которую мы проехали. Вся эта желтая страна, и белые горы, и трава на ветру, и длинные ряды тополей вдоль дороги. Все, что ты видела; все, что чувствовала, останется с тобой. Разве Камарг, Эг-Морт и Ле-Гро-дю-Руа, которые мы исколесили вдоль и поперек, не остались с тобой навсегда? И здесь то же самое.

– А когда я умру?

– Ну, умрешь.

– Но мне ненавистна мысль о смерти.

– В таком случае не думай о ней раньше времени. Смотри, слушай, запоминай ощущения.

– А если я не смогу запомнить?

Он говорил о смерти так, словно для него она ничего не значила. Кэтрин пила вино и смотрела на толстую каменную стену с крошечными зарешеченными окнами, выходившими на узенькую улочку, куда и днем не заглядывало солнце. Свет падал только в дверь, которая выходила на галерею и мощенную старым булыжником площадь под ярким солнцем.

– Когда оказываешься за пределами своего мирка, все вокруг кажется опасным, – сказала Кэтрин. – Наверное, мне лучше вернуться в наш мир – в тот мир, который я создала для нас двоих. Вернее, мы оба создали. В том мире я чувствовала себя успешной. И это было всего четыре недели назад. Наверное, мне лучше стать прежней.

Принесли салат. Зелень салата на темном столе, и солнце на площади за галереей.

– Ну как, тебе лучше? – спросил Дэвид.

– Да. Ах, я снова начала думать о себе и опять стала невыносимой. Я одержима собой как художник своей единственной картиной. Это ужасно. Но сейчас я в порядке и надеюсь, что еще смогу продержаться.

Прошел сильный дождь, и жара спала. В просторном номере отеля «Палас» благодаря плотным ставням держались прохлада и полумрак. Молодые люди искупались в большой глубокой ванне, а потом включили воду на полную мощность, чтобы она разлеталась брызгами, шумела и бурлила. Потом вытерли друг друга полотенцами и переместились в спальню. Они лежали в постели, чувствуя легкое дуновение бриза, пробивавшегося в комнату сквозь щели ставней. Кэтрин оперлась локтями о кровать и положила на ладони подбородок.

– Тебе понравится, если я снова стану мальчиком? Мне это ничего не стоит.

– Ты нравишься мне такая, как есть.

– Это такое искушение. Но, наверное, здесь не следует этим заниматься. Испания – слишком консервативная страна.

- Оставайся такой, как есть.

- Почему у тебя меняется голос, когда ты говоришь об этом? Наверное, я все-таки сделаю это.

- Нет. Не сейчас.

- Спасибо, что хотя бы «не сейчас». Значит, сейчас я могу любить тебя как девушка, а потом – по-другому?

- Ты – девушка. Ты – девушка. Ты – моя прекрасная девушка Кэтрин.

- Да, я – твоя девушка, и я люблю тебя, люблю, люблю, люблю.

- Не болтай.

- Нет, я буду говорить. Я – твоя девушка Кэтрин, и я люблю тебя, пожалуйста, я люблю тебя, всегда, всегда, всегда...

- Не обязательно повторять мне это без конца. Достаточно одного раза.

- А мне нравится говорить это, мне это нужно, и я столько времени была прекрасной девушкой, хорошей девушкой, и я буду ею снова. Я обещаю тебе это.

- Ты могла бы и не говорить этого.

- Нет, мне это нужно. Я говорю это, и я сказала это, и ты это сказал. А теперь, пожалуйста. Ну, пожалуйста.

Они долго лежали молча, потом она сказала:

- Я люблю тебя. Ты такой хороший муж.

- Тебе повезло.

- Я была такой, как ты хотел?

- А ты что думаешь?

- Надеюсь, что была.

- Так и есть.

- Я сдержала обещание, и так будет всегда. А теперь я могу стать мальчиком?

- Зачем?

- Совсем ненадолго. Мне это очень понравилось. Не то чтобы мне этого не хватало, но я была бы рада снова испытать это ночью в постели, если тебя это не слишком расстроит. Можно? Ты не будешь переживать?

- К черту мои переживания.

- Значит, можно?

- Ты так хочешь этого?

Он не спросил: «Тебе это так необходимо?», но она ответила на его невысказанный вопрос:

- Я могу без этого обойтись, но, если ты не против, пожалуйста, позволь мне. Можно?

- Хорошо.

Он поцеловал ее и притянул к себе.

- Никто, кроме нас, не узнает, кто я на самом деле. Я буду мальчиком только по ночам. Днем тебе нечего бояться. Пожалуйста, не беспокойся об этом.

- Хорошо, мальчик.

– Я сказала неправду. На самом деле я не могу без этого. Сегодня на меня вдруг накатило, и я ничего не могу с этим поделать.

Он закрыл глаза и постарался отключиться. Она поцеловала его, и в этот раз все зашло гораздо дальше, и он ощутил безысходность.

– Теперь твоя очередь меняться, – сказала она. – Пожалуйста. Не могу же я сделать это за тебя. Что ж, видимо, придется. Хорошо. Теперь ты изменился. Да. Ты тоже сделал это. Да. Это сделала я, но ты тоже изменился. Да, изменился. Ты моя нежная дорогая обожаемая Кэтрин. Ты моя нежная, моя прекрасная Кэтрин. Ты моя девочка, моя единственная дорогая девочка. О, спасибо тебе, спасибо, моя девочка...

Она долго лежала молча, и он решил, что она заснула. Но она повернулась к нему, приподнявшись на локтях, и сказала:

– Я придумала, чем себя порадовать завтра утром. Я пойду в «Прадо» и буду смотреть картины, представляя себя мальчиком.

– Я пас, – сказал Дэвид.

Глава седьмая

Утром, когда она еще спала, он встал и вышел на улицу, вдыхая бодрящий свежий воздух высокогорного плато. Он прошел вверх по улице до площади Санта-Ана и позавтракал в кафе, просматривая местные газеты. Кэтрин собиралась в «Прадо» к открытию, к десяти утра. Уходя, Дэвид поставил ей на девять будильник. Шагая по улице, он вспоминал ее, спящую; абрис ее прелестной взлохмаченной головки на белой простыне казался отчеканенным на старинной монете, подушка была сдвинута в сторону, под простыней угадывались мягкие изгибы тела. «Она продержалась месяц, – подумал он, – почти месяц. А от Ле-Гро-дю-Руа до Андайе прошло два месяца. Нет, меньше, ведь она задумала это еще в Ниме. Значит, меньше двух месяцев. Мы женаты три с половиной месяца. Надеюсь, она счастлива со мной, хотя в таких вопросах

едва ли можно что-то знать наверняка. Достаточно того, что мы вместе. Разница в том, что в этот раз она попросила, чтобы и я изменился, – сказал он себе. – Она очень просила».

Он почитал газеты, расплатился за завтрак и вышел на улицу. Ветер переменялся и снова пригнал на плато жару. Дэвид направился в банк, где царили прохлада, строгость и казенная вежливость, и получил доставленную из Парижа почту. Получение денег по чеку, переправленному в мадридское отделение из его банка, сопровождалось множеством формальностей. Он прочитал письма, пока выстаивал очереди то к одному, то к другому окошку.

Наконец он запихнул в карман куртки толстую пачку денег и вышел на свет. Остановился у газетного киоска и купил английские и американские газеты, доставленные утром южным экспрессом. Потом купил несколько еженедельников о корриде и, завернув в них газеты на английском языке, двинулся вниз по Каррера-Сан-Херонимо в приветливый утренний полумрак «Буфет Италиянос». Здесь было еще пусто, и он вдруг вспомнил, что забыл условиться с Кэтрин о встрече.

– Что будете пить? – спросил официант.

– Пиво.

– Здесь не пивная.

– У вас нет пива?

– Есть. Но здесь не пивная.

– Пошел ты... – Дэвид снова скатал газеты и вышел за дверь. Он пересек улицу, свернул налево на Кале-Витториа к «Пивной Альвареса». Сел под навесом у входа и выпил большую кружку холодного бочкового пива.

«Может, тому официанту просто хотелось поговорить, – подумалось ему. – Там ведь и в самом деле не пивная. Парень просто констатировал факт. Тон не был оскорбительным. А я его... он даже не смог ответить. Черт, нехорошо получилось».

Он выпил еще кружку и попросил счет.

- Y la senora?[22 - А где сеньора? (исп.)] - спросил официант.

- В музее «Прадо». Пойду поищу ее.

- Буду ждать вас.

Он прошел к отелю по склону, срезав путь. Ключ был у портье. Дэвид поднялся к себе в номер, оставил на столе газеты и почту, деньги убрал в портфель, оставив при себе совсем немного. Горничная успела навести в номере порядок и опустила шторы, чтобы сохранить прохладу, отчего в комнате стало темно. Он умылся, рассортировал почту, четыре письма убрал в задний карман брюк. Захватил парижское издание «New York Herald», «Chicago Tribune» и «London Daily Mail» и направился в бар, заглянув по дороге к портье, чтобы оставить ключи.

- Если придет мадам, передайте ей, что я в баре.

В баре он уселся на высоком табурете, заказал MarismeC[23 - Сорт хереса.] и начал читать письма, закусывая вино фаршированными чесноком оливками, которые бармен подал к вину. В одном из писем он обнаружил две журнальные вырезки с рецензиями на свой роман. Дэвид прочитал их так, словно сама книга и человек, о котором там писали, не имели к нему ни малейшего отношения.

Он убрал вырезки обратно в конверт. Авторы рецензий провели серьезный вдумчивый разбор, но ему было все безразлично. Так же отстраненно он прочитал письмо от издателя. Книга хорошо продается, и, вероятно, осенью продажи будут тоже хорошими, хотя в таких делах трудно предсказывать. Во всяком случае, книга получила блестящие отзывы, а значит, его следующий роман не пройдет незамеченным. Особенно хорошо, что это его второй роман. Это просто трагедия: почти у всех американских писателей хватает таланта только на первый роман. Тем приятнее, что вторая книга Дэвида оправдала надежды, которые подавала первая. В Нью-Йорке на редкость холодное дождливое лето. «О, Боже, - подумал Дэвид, - плевать мне на то, какое в Нью-Йорке лето, и плевать на тонкогубого подонка Кулиджа - нашего президента, который отдыхает в заказнике Блэк-Хиллс, украденном у шайенов и сиу, и который ловит форель в накрахмаленном воротничке, как плевать на

накачанных дрянным джином писателей, которых волнует только один вопрос: танцует ли крошка чарльстон. И плевать мне на надежды, которые я оправдал. Кому какие надежды я подавал? «Нью Рипаблик»? «Дайалу»? «Букмэну»? Это ж надо: он, видите ли, подавал надежды. Позвольте подать вам надежды, я собираюсь их оправдать. Дерьмо».

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Рыбацкая деревня на юге Франции, почти вплотную примыкающая к городку Эг-Морт. – Примеч. пер.

2

Эг-Морт – «мертвые воды» – древний город крестоносцев (XIII в.), полностью окруженный четырехугольной крепостной стеной со сторожевым проходом наверху, двадцатью зубчатыми башнями и десятью воротами.

3

Болотистая местность в дельте Роны, природный заповедник, 850 кв. м засоленных лагун, болот и озер между двумя рукавами Роны.

4

Сдобная булочка, состоящая из нескольких частей округлой формы, соединенных вместе.

5

Действие романа происходит в начале 20-х годов XX века.

6

Морской волк (фр.).

7

Пятнадцать фунтов – 6 килограммов 804 грамма.

8

Celeri remoulade – тертый сельдерей с соусом провансаль.

9

Трехъярусный древнеримский акведук середины I века н. э. После падения Римской империи использовался в качестве моста. Шедевр архитектуры.

10

Сухое розовое французское вино.

11

Это месье? (фр.)

12

Город у границы с Испанией на берегу Атлантического океана.

13

Мимоза является символом залива Ла-Напуль. В феврале в городке Мандельё-ла-Напуль ежегодно проводится праздник мимозы.

14

Берет (исп.).

15

Зд.: абсент.

16

Зд.: Принести бокал для месье? (фр.)

17

Кофе со сливками (фр.).

18

Яичница с ветчиной (фр.).

19

«Лансон» – производитель вин высочайшего качества, выпускает очень редкий и дорогой сорт шампанского.

20

Сорт белого вина, разновидность хереса.

21

Сорт красного вина.

22

А где сеньора? (исп.)

23

Сорт хереса.

Купить: https://tellnovel.com/ru/heminguey_ernest-miller/rayskiy-sad

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)